

Орлов И.Б.

**«ОКАЗАТЬ СУЩЕСТВЕННУЮ ДЕЛОВУЮ И
МАТЕРИАЛЬНУЮ ПОМОЩЬ»: СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ В
УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ¹**

История военной повседневности - это, в числе прочего, повседневный героизм и повседневная борьба за физическое выживание. При этом люди на войне выживали неодинаково, а социальные, поведенческие и психологические реакции на испытания варьировались в широком диапазоне. Населению жилось тяжело в силу не только военных тягот, но и особенностей функционирования политической системы, включая не прекращающиеся репрессивные практики. Резко возросшие бытовые трудности и поражения на фронтах (особенно на начальном этапе войны) способствовали появлению протестных настроений, что стимулировало использование карательных органов для поддержания социального и политического порядка.

В докладной записке сотрудников Организационно-инструкторского отдела ЦК ВКП(б), написанной осенью 1941 г. отмечалось, что недовольство ивановских рабочих-текстильщиков вызывали снизившийся на 30-40% и более заработок, резкое ухудшение продовольственного снабжения, повышение базарных цен на продукты питания и «крайне скверная работа торговых организаций фабричных столовых». В Иваново выстраивались большие очереди за хлебом, так как пекарни не справлялись с выпечкой. Особо нетерпимо сложилось дело с общественным питанием на фабриках, где число столующихся увеличилось в 10 и больше раз. В ряде столовых меню состояло из пустых щей (воды с капустой, без лука и приправы) и

¹ Опубликовано: Орлов И.Б. «Оказать существенную деловую и материальную помощь»: стратегии выживания в условиях военного времени // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы: материалы II Всероссийской научной конференции, приуроченной к 80-летию начала Великой Отечественной войны (Ростов-на-Дону, 23-24 сентября 2021 г.) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. - В 2-х ч. Ч. 1. Ростов-на-Дону: Изд-во БНЦ РАН, 2021. С. 243-252.

сваренной на воде, без всяких жиров ячневой или овсяной каши. Причем, нередко и этих блюд не всем хватало, особенно в ночных сменах [9: 37-38].

Если не брать крайности выживания в условиях немецкой оккупации и избегания маховика репрессий, то из писем во власть и сводок вырисовываются три основные проблемы - финансовое положение, карточное снабжение и жилищные неудобства. Сюда же можно добавить трудности эвакуации, создавшей колоссальные социальные и инфраструктурные проблемы, а также отстраиваемую заново жизнь на освобожденных территориях в условиях страшной разрухи. И не только в освобожденных. Например, Л.П. Берия в июле 1944 г. сообщал о большом количестве нищих (преимущественно из жителей Мордовской АССР), скопившихся на территории Арзамасского и ряда других районов Горьковской области из-за продовольственных затруднений. Наибольшее скопление нищих (ок. 10 тыс. чел. вообще и до 2 тыс. чел. одновременно) наблюдалось около крахмально-паточного завода «Рассвет», который отпускает населению в качестве корма для скота производственные отходы. Эти отходы нищие скупали для употребления в пищу [9: 383-384]. В этом же месяце Л.П. Берия докладывал в ГКО, СНК СССР и ЦК ВКП (б) о тяжелом продовольственном положении в ряде районов Алтайского края, где отмечались «случаи употребления в пищу падали, кошек и собак, а также дикорастущих трав и корней». В колхозе «Коминтерн» Хабаровского района колхозница мать 4-х детей Анна Бабаева зарезали и съела собаку, а член этого колхоза, жена военнослужащего Пелагея Овечкина, имевшая на иждивении 5 человек, питалась падалью. В пищу шли кошки и трупы павших животных, а в Славгороде рабочий мотороремонтного завода П.В. Васильев не только сам питался собачьим мясом, но и продавал его другим рабочим [9: 197-198].

Перед нами одна из многих справок (в данном случае - Ивановского обкома ВКП (б) в Оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) 13 ноября 1942 г.) о наиболее характерных письмах, поступающих в обком партии и редакцию

газеты «Рабочий край». В адрес Ивановского обкома только за период с 1 января по 20 октября 1942 г. поступило 2743 письма, в том числе 1689 - лично секретарю обкома Пальцеву. Преобладающее количество писем и жалоб поступало по бытовым вопросам: об улучшении питания на фабриках, лучшем снабжении продуктами, предоставлении и ремонте квартир, снабжении дровами, устройстве детей в детские учреждения, невнимательном отношении со стороны местных властей к семьям фронтовиков и эвакуированным. Более 30% обращений содержали просьбы об оказании материальной помощи. В редакцию газеты «Рабочий край» за этот период поступило более 6 тыс. писем, по своему содержанию аналогичных письмам в обком ВКП(б) [9: 317-320].

Повседневной практикой стало выживание в условиях полуголодного существования, борьбы с холодом и болезнями, изматывающего труда. Ситуация осложнялась тем, что жизненный уровень не просто упал, а понизился чрезвычайно быстро и резко. Так, в 1942 г. по сравнению с 1940 г. население потребляло на треть меньше товаров длительного пользования и на 2/5 - меньше продовольствия [1: 78]. Сведения об удержаниях из заработной платы рабочих и служащих в военные годы свидетельствуют, что на протяжении 1943-1945 гг. наблюдался существенный рост всех налогов - военного, подоходного и даже налога на холостяков. Росли и «добровольные» взносы по государственным займам, по денежно-вещевой лотерее и пр. [9: 235]. Одновременно на протяжении июня 1943 г. - июня 1945 г. по всем регионам росли базарные цены на продукты и промышленные товары [9: 236-239].

Впрочем, из писем, сводок и служебных записок мы узнаем больше о существовавших проблемах, нежели о способах их решения. Тем не менее, поиски виновного в сложившейся ситуации (в ряде случаев письма-жалобы содержат все признаки доноса) позволяют уловить основные стратегии разрешения насущных проблем и достижения справедливости (по крайней мере, в понимании авторов обращений). Во-первых, это традиционная игра

на противоречиях между «хорошей» центральной властью и «плохой» местной. В-вторых, позиционирование корреспондента как человека заслуженного и / или несправедливо обиженного. В жалобе 73-летнего крестьянина Молотовского района Кировской области А.И. Копанева управляющему делами Совнаркома СССР Я.Е. Чадаеву 27 февраля 1945 г. упор сделан на несправедливость обложения его приусадебного участка (140 кг зерна и 1 тыс. рублей на подписку денежно-вещевой лотереи). Автор письма считал, что председатель и правление колхоза не учли ряд обстоятельств: находящуюся у него на иждивении больную дочь; проживающую с ними семью сына - лейтенанта-танкиста, находящегося в армии с самого начала войны; необходимость содержать корову и теленка; реальный урожай не выше колхозного [9: 232-233].

Для обращений женщин характерно, в первую очередь, представление себя как жены или вдовы фронтовика, указание на наличие детей и /или престарелых родителей. Например, вдова погибшего в июне 1942 г. под Харьковом командира-танкиста Б.У. Эльберт в мае 1944 г. жаловалась М.Г. Первухину на трудности проживания в эвакуации (в поселке Чебаркуль Челябинской области) и просит помочь с возвращением в Киев. Она апеллировала как членству погибшего мужа в КПСС и его геройской военной биографии, так и к тому, что у нее на руках два ребенка (9-ти и 3-х лет) и нетрудоспособная мать, которых содержать на пенсию в 270 руб. и зарплату в 250 руб. она не могла [9: 223].

Основой источниковой базы данного исследования стали материалы трех федеральных архивов (ГА РФ, РГАЭ и РГАСПИ), введенные в научный оборот в сборнике документов о советской повседневности периода Второй мировой войны [9], а также не вошедшие в данное издание архивные документы. Обращает на себе внимание то обстоятельство, что наибольшей информационной ценностью обладают письма к вождям (в частности, фонды заместителей председателя Совнаркома СССР), нежели обращения в различные органы [2;3;4;5]. Например, только одно дело содержит более 400

листов «типовых» писем, направленных из Секретариата Н.А. Вознесенского «по принадлежности» в различные ведомства вместе с полученными на имя заместителя председателя правительства письмами [2; Ч. 1; Д. 6]. Так как письмо пересылалось в учреждения с верху, иногда несколько сухих слов резолюции давали ход делу. Вот только несколько примеров. После того, как в марте 1942 г. Н.А. Вознесенский через секретаря Ефремовского райкома партии ВКП (б) Фролова поздравил семью Горшковых с правительственной наградой за спасение 52-х раненых красноармейцев во время немецкой оккупации, председатель Тульского облисполкома Чмутов телеграфировал Вознесенскому, что каждому из семьи Горшковым назначена персональная пенсия в размере 300 рублей [2; Ч. 1; Д. 1; Л. 4-5].

После того как 23 декабря 1944 г. из Секретариата Вознесенского председателю Калужского облисполкома А.М. Батмирову было перенаправлено заявление М.А. Тарасенко с просьбой оказания семье материальной помощи, 5 февраля 1945 г. заместитель председателя Калужского облисполкома сообщил Вознесенскому, что семье Тарасенко был выдан пуд пшеницы [2; Ч. 1; Д. 6; Л. 7-8]. Эти, на первый взгляд, частные случаи демонстрируют отработанную и широко распространенную стратегию населения - обращение на «самый верх» для решения любых вопросов, не решаемых (в силу разных причин) на местном уровне.

Что касается карточного снабжения, то автор статьи неоднократно обращался к этой проблематике [6;7;8], поэтому ограничимся общими выводами, тем более, что, помимо обращений в органы власти (нередко бесполезных), карточное снабжение было тесно связано с преступностью и иными девиантным формами поведения. Продовольственные затруднения коснулись большинства населения: нормированного пайка многим не хватало, а цены на рынке стремительно росли. Довольно широко распространились махинации с карточками, хищения продуктов питания из столовых, магазинов, колхозов и приусадебных участков, спекуляция. Были желающие погреть руки на народном горе и в органах государственной

власти в центре и, особенно, на местах. Из письма агронома Палищука К.Е. Ворошилову от 14 февраля 1942 г. узнаем о «разбазаривании колхозного труда в форме продуктов (мука, пшено, овощи, сено и т.д.)» [9: 58]. А из обращения служащей из Челябинска Р.А. Роговской Р.С. Землячке 23 октября 1942 г. об устройстве местными властями банкетов в центральной столовой города. В условиях карточного снабжения расходовавшиеся в больших количествах остродефицитные продукты (мясо, масло, яйца, мука, хлеб, рыба, овощи, водка и др.) выставляли обком партии и облисполком в самом неблагоприятном свете [9: 314-315]. Но надо учитывать, что в большей части на преступления ряд людей толкали голод и хронический недостаток продовольствия.

Перипетии военного времени, помимо традиционных петиций к властям разного уровня, стимулировали население к поиску более эффективных (хотя и не всегда законных) способов выживания. Особенно в первые месяцы войны. Из письма уполномоченного по эвакуации тракторов МТС Н.И. Якшарова И.В. Сталину в августе 1941 г. узнаем, что паника среди местного населения ряда районов Калининской области создается во многом бежавшими красноармейцами, которые отбирают по дороге автомашины и бензин у советских хозяйств и требуют от председателей колхозов и сельских советов кормить их под угрозой применения оружия [9: 308-309]. Семья Казаковых (муж, жена и сын) с ноября 1944 г. наладили в Казани с помощью фоторепродукции производство и сбыт на рынках фальшивых сторублевых купюр [9: 392].

Крестьяне в Татарстане осенью 1942 г. «с удовольствием и поспешностью» отказывались от колхозов, делили и разбирали лошадей, упряжь, инвентарь и урожай, чтобы привести в порядок свою избу, двор и огород. Впрочем, пригородные колхозы также саботировали все мероприятия Советской власти. Они возили на рынок молоко и овощи, брали за них «сумасшедшие цены» и абсолютно не были заинтересованы в выполнении правительственных обязательств [9: 60]. Побывавший в 1945 г. в отпуске в

Черниговской и Сумской областях майор П.Е. Брайко в письме И.В. Сталину возмущался неделанием колхозников работать в колхозе: «Бригады ежедневно гоняют их на работу до 12 часов, но идет мало кто. Каждый колхозник ищет себе хоть кусочек земли и сеет на ней или в огороде все культуры: рожь, пшеницу, ячмень, просо и прочее». Половину оставшейся зимовать на полях сахарной свеклы растащили на самогон. Это стимулировало рост взяточничества: даже районный врач «без пол-литра и курицы не перевяжет и пальца» [9: 329-332].

Обычным явлением, наряду с взяточничеством и «блатом», стала спекуляция, чем в немалой степени способствовал бурный рост со второй половины октября 1941 г. цен на все продукты в прифронтной полосе и районах размещения эвакуированных предприятий. Базу для спекуляции продуктами расширял и резко увеличившийся к концу 1941 г. разрыв между ценами в колхозной и государственной торговле. Широкий размах приняли товарообменные операции: тысячи граждан устремились в деревню для обмена подержанных домашних вещей на сельскохозяйственные продукты [9: 178-179].

Еще одним способом выживания было донорство. Доноры, систематически (не менее 3-х раз за 5 месяцев) сдававшие кровь, получали в городах и рабочих поселках карточки на сахар и хлеб по группе рабочих 1-й категории. В населенных пунктах, где были введены продовольственные карточки на мясо, рыбу, жиры, крупу и макаронные изделия, карточки донорам выдавались по нормам рабочих промышленности, транспорта и связи. Тем, кто сдавал кровь не систематически, карточки выдавались на один месяц. При наличии большого числа доноров разрешалось печатать для них специальные продовольственные карточки и устанавливать отпуск продуктов в магазинах, обслуживающих доноров, только по этим карточкам. Донорам также выдавался дополнительный разовый паек. Сдавшем полную дозу (от 400 до 500 см³) выдавалось по полкило сливочного масла, сахара, мяса и крупы, а сдавшим половинную норму (от 200 до 250 см³) - по 0,3 кг

перечисленных продуктов. Кроме разовых пайков, доноры получали в день сдачи крови на донорских пунктах завтрак и обед, а с июня 1942 г. в день сдачи крови к питанию на донорском пункте дополнительно выдавали 200 г черного и 200 г белого хлеба. Молоко, сухие и свежие фрукты отпускались в зависимости от наличия и сезонности [9: 188].

Конечно, можно понять тех, кто был недоволен (как экономист А.М. Загон) неправильным распределением карточек в Новосибирске. В письме в ЦК партии от 10 февраля 1943 г. он сообщал, что три десятка инженеров Управления Западносибирского речного пароходства получают по 600 г хлеба, в силу того, что периодически числятся инженерами производства, хотя его и не видят. А остальные сотрудники, числящиеся экономистами, всего по 400 г [9: 185-186]. Но, судя по значительной доли таких инженеров, дело не шло о кумовстве и поощрении «своих людей». Просто руководство пароходства использовало любые возможности для поддержки хотя бы части сотрудников.

Тяжелое продовольственное положение работников Читинского участка Амурской железной дороги и членов их семей вынудило начальника дороги в апреле 1943 г. апеллировать к тому, что итогом систематического плохого питания стал рост заболеваний туберкулезом, дистрофией, язвой желудка и гастритом, что влекло за собой «стойкую и длительную нетрудоспособность». Из письма мы узнаем, что руководство дороги не сидело, сложа руки, а делало все возможное для выживания людей путем развития собственной продовольственной базы, в частности, расширением посевных площадей в совхозах, подсобных хозяйствах дороги и на индивидуальных огородах. Наряду с расширением посевных площадей, дорога принимала и другие меры: за счет местных заготовок, организации рыболовецких и охотничьих бригад и откорма свиней в 1943 г. было получено – 774 ц мяса и 897 ц рыбы. Но в силу резкого ухудшения погодных условий погибла значительная доля урожая картофеля, овощей и зерновых культур. Усугубляло проблему и отсутствие продовольственных карточек у

членов семей работников дороги [9: 188-190]. Хотя наркомат торговли СССР не смог выделить семенной картофель и принять на гарантированное снабжение членов семей железнодорожников Амурской дороги, тем не менее, разовая помощь была оказана. В частности, дополнительно для бескарточного снабжения железнодорожников и больных было выделено: 10 т животных жиров, 10 т мясопродуктов и 10 т рыботоров. Сверх этого для остро нуждающихся больных отпустили по 5 туб фруктов и овощных консервов, а для продажи детям железнодорожников, нуждающимся в усиленном питании, выделили 2500 пайков [9: 191].

Весьма острой в годы войны была и жилищная проблема. У кого-то жилье осталось недостроенным еще с довоенного времени, а комнаты для временного проживания возвращались вернувшимся из эвакуации [9: 256]. Но бывало и такое, что эвакуированные по ряду причин не могли вернуться домой и вселиться в собственное жилье [9: 409-411]. У кого-то жилье разбомбило, и после долгой и безуспешной борьбы с местными чиновниками вопрос о предоставлении комнаты решался только в Москве [9: 262-263]. Многомесячные мытарства по властным кабинетам престарелой матери старшего сержанта Н.Е. Проегоркина заставили фронтовика 20 мая 1943 г. обратиться к Р.С. Землячке с просьбой помочь старушке с ремонтом комнаты, где везде протекало, холод, сырость, обвалившаяся штукатурка, а в зимнее время - лед на полу [9: 264-267]. И только вмешательство Землячки сдвинуло дело с ремонтом с места.

Жизнь в эвакуации тоже далеко не всегда была сахаром. Перебои с получением хлебного пайка и его снижение, работа «за палочку» в колхозе («Заработали по 300 трудодней в год, за что не получили ни килограмма») заставили группу эвакуированных из Ленинградской области в Бугульминский район ТАССР в конце июня 1943 г. просить Р.С. Землячку отправить их в освобожденные районы, где они могли быть полезными [9: 322].

Мы видим, что стратегия и тактика выживания зависела от многих причин: длительности периода оккупации; экономического состояния региона (промышленный или аграрный); локализации населения (городское или сельское); наличия беженцев и эвакуированных; личного благосостояния семьи т.п. Но в целом большая часть населения предпочитала обращения «на самый верх» и полулегальные механизмы выживания (самогоноварение, работа на собственных участках в ущерб труду в колхозе, мелкую спекуляцию, использования связей и пр.). Хотя военные трудности, как уже отмечалось, подталкивала определенный слой населения к откровенно девиантному поведению и преступлениям, прежде всего, в сфере карточного снабжения и торговли.

Список источников и литературы

1. Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941-1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London and New York, Longman, 1991. 252 pp.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГА РФ). Ф. 5446. СНК (Совмин) СССР. Оп. 53. Секретариат Н.А. Вознесенского.
3. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 54. Секретариат К.Е. Ворошилова.
4. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 56. Секретариат Р.С. Землячки.
5. ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 67. Секретариат М.Г. Первухина.
6. Орлов И.Б. Карточное снабжение в 1941-1943 гг.: расчеты и просчеты // Современные проблемы туризма и сервиса. Научно-практический журнал. 2010. № 3. С. 36-42.
7. Орлов И.Б. Становление системы государственного централизованного нормированного распределения в СССР (1941-1943 гг.) // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества: Материалы международной научной конференции (28-29 апреля 2010 г., Ростов-на-Дону – Таганрог) / Отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону, 2010. С. 337-343.

8. Орлов И.Б. Хлебное снабжение в годы войны // *Soviet and Post-Soviet Revue*. 2003. Vol. 30. No. 2. P. 111-152.

9. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. М.: РОССПЭН, 2003. 472 с.